

В ЭТОМ доме, как в музее. Самым причудливым образом перемешались в нем времена и стили. Я видела здесь разные вещи, все старинные, диковинные — наряды и корабли, рыцарские доспехи, прялки, японские вазы, ордена (от «Георгия» до «Золотого руна»), сфинксов, маски, скульптуры и посуду — словом, все, что когда-нибудь воздушилось иметь человеку, живя он в век давно минувший или сейчас в Испании, Японии или даже просто в сказке.

В этом доме, как на фабрике. В нем пахнет клеем, краской, и стружками, стучат молотки и шипит электросварка. Здесь мирно уживаются и помогают друг другу современное производство и седые, полузабытые уже ремесла.

В этом доме, как в театре. Здесь рождается спектакль, здесь он обретает свою вышность, сначала в амплуа художника, потом в манере, который воплощается в предметы и декорации. В этом доме — будто в сказке. Здесь работают волшебники (так часто называют журналисты людей, не известных зрителям, да и какая программа способна поместить имена всех творцов спектакля — и этих, кто принимает самое активное и полноценное участие в театральной жизни). Их называют волшебниками —

должно быть, за редностное умение с помощью холста, клея и краски творить моря, лес и горы, превращать зубной порошок в жемчуг и воспринимать каменную утробу старину.

В этом доме театральные мастерские Большого театра.

Горы на полу

ДЕКОРАЦИОННЫЙ цех — предмет особой гордости театральных мастеров. («Вот вы, журналисты, все выискиваете у нас редкостные профессии, а между тем Большой театр славен именно декорациями. Это — главное наше производство», — так говорил мне Дмитрий Николаевич Тихомиров, директор мастерских). Главное производство занимает трехэтажный зал размером с доброе футбольное поле. Сидя на полу, на маленьких подушках, женщины зашивают дырки и прорехи серебристого занавеса. («И как только умудряются их рвать?»). По белому полотну ходит человек с тросточкой и, глядя в зикет, угольноко рисует на полотне горы. Это — художник-исполнитель, чья профессия невероятно сложна (ведь он должен сохранить стиль главного художника, который рисует эскизы, и воспроизвести это в двадцатипятикратном увеличении) и трудна просто физически. У него целая армия помощников — маляров, которые грунтуют холст и смешивают краски, и аппликаторов, которые шьют занавес, да как шьют — чтобы не единый морщинка — не искусство ли это? Времени от времени художник забирается под потолок, чтобы увидеть свое творение в натуральном виде.

Алхимики

РАСТЯНУТЫЕ на деревянных распорках, сохнут куски разрывавшейся на восточный матер ткани. Этот шелк был белым, как и вел масса ткань, которую привозят в мастерские. Художники по росписи тканей знают десятки методов превращения простейших материалов в дорогую парчу, восточный шелк, звериные шкуры, набивные ткани минувших времен. И все это — в той колористической гамме, которую задумал главный художник.

ЗДЕСЬ же работают люди, которых можно без всякой натяжки назвать волшебниками. — Это то колдовское у них ремесло. В руках у них, как водится, «волшебные палочки» (только они вовсе не палочки, а клещи-фунтики, наполненные волшебной массой, и даже не волшебной, а самой обыкновенной — клеем и краской, золотой или серебряной, или синей, или какой-нибудь еще). Через дырочку в фунтике массу выдавливают, и она ложится на ткань и засыхает в причудливом узоре, и превращает грубый холст в неподдельно великолепные старинные кружева или расшитый золотом бархат. И сделано это так хитро и искусно! Таким же образом делают драгоценности — например, изумруд (желтая краска с клеем) или уральские самоцветы (разноцветная краска с клеем) или жемчуг (клей и зубной порошок). Всепогодный фунтик, и нестоимости на выдумку женщины-волшебницы, создающие сокровища из ничего.

Медведь в ремонте

АКТЕРЫ приходят сюда, как на ренетацию, — «вживаются в костюм». Здесь одевают и обувают персонально каждый спектакль. Театральные сапожники и портные — универсалы. Чем только им не приходится шить!

Галина Андреевна Столярова, заведующая женской костюмерной, знакомит меня с костюмами. «Это Измаиль», — говорит она, — это Сигурочка, как будто они живые. Что ни костюм, то характер.

Висят рядом на плечиках костюмы-дебютанты и костюмы-ветераны. Принесли в ремонт медвежью шкуру, костюм вояжистского гостя, простомделанный 1933 годом (кто только в нем не шел); и изорванный в оперных боях веревочный колчугу.

В сапожном цехе горы обуви — от веревочных лаптей до боярских сапог, от японских шлепанцев до сандалий римских гладиаторов.

Закройщик-модельер Семен Константинович Соколов вроде бы недоволен: «Художник мажует что-нибудь приблизительным, а ты разгадывай, расширяй, что он хотел, да еще чтобы в такой обуви ходить можно было, да танцевать чтоб еще...». Он ворчит, а сам доволен. Он творит. Вот он рисует на бумаге и делает выкройку. Лежит бумажные сапоги. Теперь можно делать модель, а потом «запускать в производство».

Волосок к волоску

ГДЕ еще увидишь такое? Сидит девушка, которую зовут Гая Зыбина. На коленях у нее древняя болванка — голова, на болванке — толстая шапочка. В одной руке у девушки крючок, в другой — прядь волос. Крючком продергивает и крепит к толло волосы, почти по одному, и так — волосок к волоску — на сорок часов работы каждый парик. Девушка молода, она только что окончила школу НТО («Здесь интересно, — говорит она, — там идет сплошной стандарт, а мы по эскизам, индивидуально парики делаем»), а ее товарищи куда солиднее. Когда-то они пришли сюда в учение, да так и остались навсегда, посвятив себя этой непостоянной по терпению работе.

Стоят на полках болванки безликие, зато в роскошных прическах из голубых, розовых и сиреневых волос. Парники делают из человеческих волос («Раньше старатели скупали их по городам и весям, теперь нет — остриглись все»), из буйволата хвоста, синтетик («не оправдала она себя, — волосы путаются и прическу плохо держат») и, кроме того, — из веревки, шпагата, шнура и мочалки. Я их видела, отнюдь не изощрен парик — веревочная прическа царицы и львиная грива из желтого шнура.

Буфало

ЦЕХ, набитый ружьями, которые не стреляют, яблочками, которые не едят, цестами, которые не вьнут, проводочными силами, фальшивыми грамотами, посудой и еще всякой реженизмой всячиной. Здесь работают буфало — люди, искушенные во всяких хитростях. Они и в помощь себе взяли хитрую науку — химию. Раньше здесь было царство папье-маше — бумага с клеем, все делалось из папье-маше, даже львы, а сейчас еще добавляют из них (из «Аидека») с надорванными и лопнувшими боками стоит в ремонте.

Теперь самые ходячие материалы — поролон и всевозможные пластины. Даже русский витязь входит на сцену в синтетическом облачении. Латы его имитируют экранную ткань, покрытую алюминием, щит изготовлен из пластического сополимера, лук сделан из липицластовой трубки, шлем — из линотанки, обработанной латексом.

Железное дерево

НА СЦЕНЕ господствовало дерево. Все было деревянным — и режиссерские стулья, и декорации, и даже металлический решетчатый каркас из балок. Теперь «скелет» спектакля — обьемные декорации, будь то дом, скала, корабль или звери — реальные и фантастические — делают из толстых прочных металлических трубок, обтянутых пластиком. Даже Голова в «Русlane» — и та сделана на металлической основе с надутым чехлом. Даже дерево для сцены делают из железа.

Мастерству театральных столяров обязаны рождением многие оригинальные конструкции, но все-таки металл на сцене куда лучше.

Я РАССКАЗАЛА о главных мастерских. Но... — Если бы мы, как старинные ремесленники, выступили в праздничном шествии со своими знаменами, где вытканы знаки всех профессий, на них блистали бы многие эмблемы малочисленных, редких, но нужных специальностей — мастер-кистевяз, мастер по изготовлению корсетных стелек, чеканщик, сеточники, икрамальщицы, — говорит Дмитрий Николаевич.

Теперь я знаю, какие у волшебников бывают руки. Измазаные клеем и краской, исколотые молотками, утомленные работой руки волшебников.

Н. АЛЕИНИКОВА.